

УДК 028

ББК 78.073

DOI 10.25281/2411-2305-2025-1-15-28

М.Ю. Матвеев

Особенности исследований проблем чтения в библиотечной сфере: XXI век

Реферат. В статье дается общая характеристика исследований в рамках библиотечной сферы, затрагивающих проблемы чтения, включая издания энциклопедического характера, диссертации, монографии и тематические статьи, а также публикации результатов социологических опросов. Одновременно выделяется ряд малоизученных вопросов и проблем: определение перспектив развития науки о чтении; специфика публикаций в библиотечной прессе представителей других специальностей; слабое использование работ литературоведов; читательская компетентность библиотекарей; игнорирование феномена популярности отдельных книг и их авторов; недостаточное изучение новых читательских практик. Делается вывод, что полномасштабному изучению феномена чтения мешает несколько факторов, включая малое количество специалистов, пассивность библиотечного сообщества, а также все более ощутимую нехватку работ, посвященных чтению и читательским сообществам в интернете.

Ключевые слова: чтение в России в XXI в., изучение чтения, библиотечное дело, кризис чтения, теория чтения, социологические исследования, современная русская литература, перспективные и малоизученные проблемы чтения, читательские практики в интернете.

Для цитирования: Матвеев М.Ю. Особенности исследований проблем чтения в библиотечной сфере: XXI век // Библиография и книговедение. 2025. № 1. С. 15–28. DOI: 10.25281/2411-2305-2025-1-15-28.

Достижения научно-технического прогресса в настоящее время делают все более важным не быстроту получения информации, а наличие у читателей способности к усвоению разных смыслов и анализу противоречивой информации из многих источников. Между тем, как отмечает один из ведущих отечественных исследователей чтения В.Я. Аскарова,

**Михаил Юрьевич
Матвеев**
Российская национальная
библиотека,
ведущий научный сотрудник,
Садовая ул., д. 18,
Санкт-Петербург,
191069, Россия
доктор педагогических наук
ORCID 0000-0002-9749-1816
SPIN 7566-3614
matveev@ntr.ru

у значительной части современной молодежи проявляются тревожные симптомы: снижение мотивации к учебе, равнодушие к получению новых знаний, утрата культуры чтения. «На преодоление этой ситуации, устранение ее противоречий должна быть направлена культурная политика нашего государства, прежде всего — в области развития чтения как важнейшего средства наращивания человеческого капитала» [1, с. 113–114].

Чтение как явление представляется собой чрезвычайно сложный социокультурный феномен. Исторически оно изучалось многими науками: социологией, культурологией, психологиями, педагогикой, историей, литературоведением, философией, теологией, журналистикой, книговедением, библиотековедением и т. д., однако связанных с ним вопросов с течением времени меньше не становится. Именно такая мысль проводится в трудах еще одного видного теоретика чтения — Ю.П. Мелентьевой [2–5].

В данной статье характеризуются наиболее заметные группы работ в рамках библиотечной сферы, посвященных различным аспектам чтения, а также отмечаются проблемы, редко привлекающие внимание специалистов или же представляющие интерес для ограниченного круга исследователей.

В настоящее время поток материалов по проблемам чтения значителен, но неоднороден как по форме, так и по сути. Мнения библиотековедов и библиотекарей по данному вопросу варьируются от констатации глубочайшего кризиса читательской культуры до признания того, что в стране сформировалась новая модель чтения,

не уступающая той, которая имела место в советский период.

Каковы же основные группы работ, затрагивающих проблемы чтения? Прежде всего, здесь следует упомянуть издания *энциклопедического характера* («Библиотечная энциклопедия» [6], «Читатель. Чтение. Книга: словарь-справочник» [7], «Чтение: энциклопедический словарь» [8]). Эти издания можно считать отправными точками для любого исследования по данной тематике, однако в них есть и определенная специфика: а) несмотря на универсальный характер, они существенно отличаются по полноте раскрытия темы; б) данные работы учитывают различные точки зрения на проблему и мнения многих специалистов, которые не всегда совпадают друг с другом; в) подобные энциклопедии и словари содержат множество синонимичных понятий и не дают четкого представления о том, какой же термин или определение представляется наиболее уместным и правильным; г) как ни странно, при наличии развернутых определений они не всегда учитывают даже самые заметные формулировки, равно как и исследования в области чтения. В качестве примера можно упомянуть термин «семейное чтение»: в энциклопедическом словаре «Чтение» [9], в работах отдельных библиотековедов [10–12] и в публикациях, посвященных опросам читателей библиотек [13, с. 150], он трактуется совершенно по-разному.

Отдельную группу составляют *диссертационные исследования* [14–16]. В отличие от работ универсального характера, они более четко отражают позицию автора, однако охватывают

ограниченное количество тем по причине незначительного количества самих исследователей. Так, по данным Ю.П. Мелентьевой и Н.В. Лопатиной, за последние пять лет по научной специальности «библиотековедение, библиографоведение и книговедение» были защищены всего две диссертации соответствующей тематики. При этом, если учитывать весь комплекс педагогических наук, ситуация принципиально не меняется: число диссертаций, хотя бы отчасти затрагивающих проблемы чтения, составляет менее 3% от общего числа работ. Между тем количество перспективных направлений исследований по данной теме очень велико, но заниматься ими просто некому [2, с. 153].

Наиболее разнообразная по своему содержанию группа работ — это *труды библиотековедов, книговедов и социологов чтения*, обычно представляющие собой публикации в библиотечной прессе, статьи в тематических сборниках или, что реже, отдельные книги (работы А.Г. Акимовой [17], В.Я. Аскаровой [18; 19], Н.В. Борисовой [20], Т.Г. Галактионовой [21], Н.В. Лопатиной [22], Ю.П. Мелентьевой [23–25], И.И. Тихомировой [26; 27] и др.). Сюда относятся и теоретические разработки в области теории чтения, и изучение чтения различных групп населения, и анализ деятельности российских библиотек по обслуживанию читателей.

Разумеется, возможно и более подробное деление в зависимости от темы конкретной работы, но на общем уровне оно не столь принципиально: количество авторов, занимающихся проблемами чтения, не столь велико, а сами авторы, как правило, касают-

ся сразу нескольких (и даже многих) аспектов в пределах одной книги или статьи. Как ни странно, между имеющимися исследованиями есть только одно заметное различие: они относятся либо к чтению взрослых, либо к чтению детей.

К общим недостаткам этой группы материалов можно отнести следующее: а) в профессиональной библиотечной печати трудно обнаружить прогнозы на будущее (как по поводу того, останется ли Россия читающей страной, так и по поводу перспектив развития науки о чтении); б) теория чтения пока что пребывает на начальном этапе своего становления, а поэтому наблюдается некоторый разнобой в используемых терминах и формулировках; в) исследования в основном базируются на изучении библиотечной аудитории, в то время как работ, затрагивающих проблемы чтения в электронной среде, насчитывается гораздо меньше.

Традиционными для библиотечной печати являются статьи и книги, в которых излагаются *результаты библиотечных исследований чтения* (как общероссийских [28–30], так и региональных) [31; 32]. Эти работы хорошо заметны, подробны и обстоятельны, однако охватывают не все вопросы: а) им присуща описательность в отношении эмпирических фактов (в то время как прогнозов развития ситуации опять-таки не хватает); б) в подобных трудах рассматриваются особенности чтения отдельных жанров литературы, но не уделяется достаточного внимания более глубоким «уровням» — субжанрам массовой словесности, равно как и отдельным популярным писателям.

Рассмотрение потока публикаций, посвященных чтению, в целом свидетельствует о том, что при всей своей видимой «полноводности» в нем обнаруживаются вопросы и проблемы, обойденные вниманием специалистов.

Прежде всего, это касается *определения перспектив развития самой науки о чтении*, а также некоторых более частных вопросов, включая создание обобщающей монографии, посвященной истории чтения в России. В этом отношении можно, конечно, предположить, что в настоящее время назревает необходимость возникновения нового научного направления — философии чтения. Но это видится, скорее, в качестве идеального варианта, а пока что, как сожалением констатируют отечественные исследователи, медленное развитие науки о чтении создает «идейный вакуум» на проблемном поле дискуссий о его нынешней судьбе; более того, постепенно сужается круг специалистов, способных создать систему научных представлений в этой области научного знания [33, с. 38–40; 34, с. 82].

Пессимистические оценки можно обнаружить и в отдельных дискуссиях по проблемам чтения, начиная от утверждения, что «мы не знаем законов чтения, ибо в системе научных дисциплин нет “читателеведения” или “чтениеведения”» [35, с. 33], и заканчивая тезисом: «нам пока остается лишь мечтать о том, что на русском материале будет создано что-то подобное “Истории чтения в западном мире от Античности до наших дней”. При этом важно понимать, что задача истории чтения — не только и не

столько изучение воздействия книги на читателя (это задача прикладная, частная), сколько исследование вопроса о том, как читатели под воздействием потребленных ими текстов влияли на общество, как читательские практики трансформировали это общество и как изменения в обществе на новом витке приводили к изменениям текстов и практик их потребления» [36, с. 119]. Заодно отмечается и замкнутость отечественного библиотековедения и книговедения: «“Внешнее” научное сообщество перестало воспринимать наши науки всерьез, они, эти науки, превратились в тесный маргинальный мирок, живущий в основном по принципу: “За что же, не боясь греха, / Кукушка хвалит Петуха? / За то, что хвалит он Кукушку”» [36, с. 121].

Отсюда возникает и еще одна болезненная проблема, вызывающая вопросы, на которые трудно давать однозначные ответы: *а достаточно ли часто (и в каких случаях) на страницах библиотечной печати появляются публикации представителей других наук — философов, культурологов, социологов? В особенности при условии, что чтение — проблема междисциплинарная? И какова же в целом позиция «сторонних» авторов?* Снисходительное отношение к библиотечной сфере действительно имеет место, но насколько оно распространено, из библиотечной прессы понять очень сложно, поскольку сами библиотечные специалисты не любят давать комментарии по этому поводу, а представители других наук говорят о своем приоритете только в тех случаях, когда касаются общих проблем изучения чтения.

Так, по мнению В.О. Скитневского, «проблемами чтения давно пора заняться философам, а не специалистам библиотечного дела, которые из-за отсутствия профессиональных философских изысканий в этой проблематике выполняли задачу добровolственно, но на уровне герменевтики» [37, с. 32]. В свою очередь, Т.Б. Маркова указывает на противоречивость употребляемого библиотечными специалистами понятия «руководство чтением» и полагает, что «это понятие следует рассматривать в более широком смысле и в контексте педагогических, информационных, образовательных, гуманистических и философских аспектов» [38, с. 44]. Тот же упрек звучит и в адрес понятий «культура чтения», «новые читательские практики» и др. Отмечается и пассивность библиотекарей в отношении обсуждений списков лучших книг, созданных известными писателями и общественными деятелями [38, с. 44–45].

В какой-то мере подобные упреки справедливы. Что же касается понятия «культура чтения», то здесь возникает больше вопросов, чем ответов. Почему же не удается дать ему точную и достаточно краткую дефиницию? Каким образом в этом понятии сочетаются эмоциональное сопререживание героям книги, критический анализ и творческая интерпретация прочитанного? Ассоциируется ли культура чтения с напряженным умственным трудом или, напротив, она легка и изящна, как хорошие манеры? И кто вообще должен заниматься этим понятием – философы, культурологи, литературоведы, педагоги? [39, с. 36–37]. Между тем его точное

понимание (и тщательное осмысление) в современных условиях представляется одной из насущнейших задач. Связано это с тем, что затянувшийся кризис чтения в России (относительно которого, кстати говоря, тоже нет единого мнения) выражается не в количественных показателях «на душу населения» и не в результатах деятельности библиотек, постепенно теряющих читателей: нынешний кризис – это, прежде всего, кризис культуры чтения [40, с. 10].

Еще более актуальным выглядит упрек, касающийся развернутых (аннотированных и логически обоснованных) списков типа «Лучшие 100 книг», создаваемых писателями, литературоведами, литературными критиками, директорами книжных магазинов, журналистами и т. д.: активных дискуссий по поводу их уместности и непосредственного наполнения в библиотечной сфере действительно не ведется (и это при том, что некоторые из них получили широкую известность и представляют значительный интерес [41–43]).

И вот здесь можно перейти к следующему упщению профессиональной библиотечной печати: имеющиеся в ней материалы очень слабо коррелируют с литературоведческими трудами, и никто не пытается обосновать, в каких случаях такое «размежевание» оправданно, а в каких – нет. С одной стороны, библиотекари не так уж и часто ссылаются на монографии и диссертации, формально не относящиеся к их области знания (даже если они посвящены феномену массовой литературы и массового чтения, содержат анализ представлений современных писателей о кризи-

се чтения, модных трендах, читающей публике и т. д.). С другой стороны, литературоведы тоже не балуют своим вниманием библиотечную сферу и вообще редко обращаются к результатам социологических (в том числе библиотечных) исследований чтения (в качестве редкого исключения следует отметить работы М.А. Черняк, посвященные тенденциям современной русской художественной литературы и ее восприятию читателями [44–46]). С третьей — хотя среди публикаций библиотечных специалистов встречаются собственные работы, посвященные чтению беллетристики, образам «книжных» людей в художественной литературе, кинофильмах и СМИ [47], а также чтению литературных персонажей [48], число авторов, интересующихся подобной тематикой (и понимающих чтение в широком смысле слова), крайне невелико.

Между тем игнорировать данное направление ни в коем случае не следует: по нашему глубокому убеждению, одна из важнейших причин кризиса чтения в России — это не изменение психологии читателя, не ограниченные возможности библиотек и даже не деформированная система книгоиздания, это — состояние современной русской литературы, которая дезориентирует и разочаровывает читателей, «разводя» их по узким «литературным нишам» (начиная от определенного субжанра массовой словесности и заканчивая конкретным писателем) [49–51].

Безусловно, сказывается и различие во взглядах на книжную сферу: профессия конкретного исследователя накладывает отпечаток на его рабо-

ту даже при одной и той же тематике. Так, библиотекари чаще всего интересуются изображением их профессии и образом библиотеки, в то время как литературоведы — описанием творчества писателя и упоминаемыми в тексте романов художественными источниками. Между тем воссоздание всей соответствующей «цепочки» (писатель — книга — издатель — библиотека — читатель — чтение), за очень редкими исключениями, практически никого не интересует.

«Тесный мирок» библиотечного дела неизбежно накладывает ограничения и на *оценку современной литературы*, в первую очередь русской: библиотекари либо вообще не используют литературную критику (полагаясь на свой вкус и опыт работы с читателями), либо верят всему, что в ней написано (эту «традицию» можно рассматривать как наследие советского периода), либо читают книги и статьи о своих любимых жанрах и авторах (в данном случае речь идет не столько об изучении чтения библиотекарей, сколько об их *читательской компетентности*).

Тем временем в профессиональной библиотечной печати постоянно раздаются сетования на то, что библиотекари имеют крайне смутное представление о современной русской литературе и не знают, как к ней относиться. В лучшем случае делаются «признания» следующего рода: «Почему молодежь практически не читает современную российскую художественную литературу? Это очень сложный вопрос, на который мы пытались найти ответ. Конечно, мы не можем судить о качестве всей современной литературы. Она очень раз-

ная. Мы лишь занимаемся изучением ценности литературы и чтения» [52, с. 44]. В некоторых диссертационных исследованиях также подтверждается тот факт, что в практике современного библиотечного дела наличествуют существенные противоречия, связанные со снижением читательской активности и уровня читательской компетентности библиотекарей [15, с. 5–6].

Неопределенность взглядов библиотекарей особенно хорошо заметна на примере отношения к «легким» жанрам литературы – фэнтези, детективу, любовному роману: положительные, отрицательные и нейтральные оценки распределяются практически поровну [53–55]. При этом ситуация с современной зарубежной литературой ничуть не лучше. По мнению В.П. Чудиновой, переводные издания (в особенности для детей и подростков) нередко ставят библиотекарей в полный тупик по причине неопределенного читательского назначения, отсутствия образцов настоящей счастливой и полной семьи, жестокости и натуралистичности, беспросветного пессимизма и т. д., а критерии оценки со стороны самих библиотечных работников чаще всего сводятся к незамысловатому и субъективному утверждению «нравится/не нравится» [56, с. 117].

Отсюда возникает и другая проблема, связанная как с литературоведением, так и с библиотечным образованием. Она редко упоминается в профессиональной печати, но от этого не становится менее значимой. Заключается эта проблема в том, что *большинство библиотекарей совершенно не умеет писать развернутые*

и содержательные рецензии на книги, и здесь явно ощущается нехватка даже не теоретических статей, а практических рекомендаций (в каких случаях это следует делать, произведения каких писателей рассматривать, как привлечь внимание читателей и т. д.). Библиотекари, будучи наиболее приближенными к читателям специалистами, могли бы давно заполнить интернет своими отзывами (и тем самым, кстати, улучшить представление о своей профессии), но этого не происходит: дело в основном ограничивается обзорами и списками литературы на сайтах библиотек. В этом отношении очень точное замечание сделала Г.М. Пальгуева: «Оказалось, что сегодняшние библиотекари просто не умеют писать отзывы, то есть подтвердился вывод о том, что многие библиотекари не воспринимают себя как экспертов, не умеют оценивать качество литературы. Как следствие, они не способны дать мотивацию к чтению, обесценивают и свои рекомендации книг, и процесс чтения в целом. Не здесь ли находится один из путей выхода из кризиса чтения? Этому надо учиться» [57, с. 11]. Аналогичной точки зрения придерживается и М.П. Попова [58, с. 65].

Отдельно можно отметить «универсальную» проблему, характерную и для библиотечного дела, и для литературоведения, и для культурологии: в настоящее время *остро не хватает работ, посвященных феномену популярности тех или иных современных авторов и их книг* (разночтения начинаются уже с определения того, что же такое «популярность»). Вот достаточно типичное заключение из литературоведческой диссертации, прак-

тически полностью посвященной проблемам чтения и мнениям литературных героев (а также и их создателей) о наиболее читаемых книгах, но оставшейся практически не замеченной библиотековедами: «“Массовую словесность” изучают “всю сразу” или по жанрам, как фольклор, в центре внимания исследователей редко оказываются отдельные тексты, а о всестороннем анализе конкретного произведения можно лишь мечтать» [59, с. 27]. Можно даже предположить, что если кто-то решится написать книгу о причинах популярности у читателей определенных произведений и приведет при этом достаточно большое количество примеров, такое издание окажется лучшим исследованием чтения из всех тех, которые существуют на текущий момент. Надо признать, что по сравнению с представителями других специальностей у библиотекарей положение в данном случае самое выгодное, поскольку они знают читательский спрос и непосредственные мнения и отзывы читателей.

И наконец, упомянем, пожалуй, самое злободневное направление исследований чтения, не получившее пока что достаточного отражения в библиотечной прессе, а именно *изучение чтения в интернете (за пределами сайтов обычных («бумажных») библиотек)*, включая работу специализированных сайтов, посвященных чтению, феномен «народной» читательской критики, деятельность «фэндомов», посвященных тому или иному жанру литературы или отдельному писателю, и даже такое распространенное (но упорно не замечаемое библиотекарями) явление, как создание и чтение «фанфиков». Так или

иначе связанные с чтением интернет-ресурсы, во многом представляющие собой настоящую *terra incognita*, на самом деле могут дать исследователям массу интереснейших сведений, начиная от психологии творчества и заканчивая психологией чтения, выявлением читательских приоритетов, а также тем, идей и образов, интересных современным читателям [60].

Однако пока что многие вопросы, связанные с чтением в интернете, изучены недостаточно или еще только ждут своих исследователей. В частности, можно ли с уверенностью утверждать, что литературный кругозор любителей чтения в Сети шире, чем у читателей традиционных библиотек? Что такое «читательская элита» в современных условиях? Во сколько раз чтение фэнтези и альтернативной истории в интернете превосходит чтение тех же жанров в обычных библиотеках? Действительно ли объективна та картина чтения, которая вырисовывается на основе опросов читателей российских библиотек? В чем польза и в чем вред «народной» читательской критики? Почему читатели в интернете нередко уделяют значительное внимание произведениям, чьи названия (равно как и имена их авторов) приводят в изумление литературных критиков? Как относиться к феномену литературного фанатства? Что представляют собой ресурсы типа *authortoday*? Являются ли они квинтэссенцией графоманства или представляют редкую возможность получить известность и признание читающей публики талантливому автору?

Этот перечень можно продолжать еще очень долго, и в целом здесь можно сделать вывод о том, что библиотечным специалистам нельзя проявлять консерватизм и профессиональную пассивность: ждать, пока подобными темами займутся литературоведы и культурологи, можно очень долго — и так ничего и не дождаться...

Таким образом, напрашивается вывод о том, что едва ли не главный камень преткновения в исследованиях чтения — это разобщенность изучающих данный феномен наук: во многих случаях вообще невозможно с уверенностью сказать, кто же должен заниматься той или иной темой. Как отмечала В.Д. Стельмах, проблема с чтением в стране во многом обусловлена тем, что управление культурой в России организовано по ведомственному признаку и каждое государственное ведомство заботится прежде всего о том, чтобы его отрасль была в порядке. Между тем «чтение — это не отрасль, это не ведомство, это — культурный процесс, это ничейная земля, за которую никто не отвечает. И поэтому лучше сделать вид, что на сегодняшний день этой проблемы просто не существует» [61].

Похожую точку зрения высказывает и В.Я. Аскарова: «Читатель как основной адресат книжного процесса смеялся на периферию профессионального сознания... Литераторы озабочены преимущественно реализацией своих книг, бьются за рейтинги и премии, издатели решают проблемы прибыльности собственного бизнеса, специалисты книжной торговли озабочены экономической эффективностью книгораспространения.

В библиотечной среде активно обсуждаются проблемы выживания библиотек в цифровую эпоху, технологические преобразования; в школы и вузы спускаются образовательные стандарты и иные инструктивно-директивные материалы, не просто игнорирующие, а уничтожающие гуманистическое содержание педагогической и библиотечной профессий» [33, с. 30]. При этом остается непонятным, кто же озабочен непосредственно читателем — человеком, ради которого и осуществляется весь книжный процесс.

Что же касается библиотечной сферы как таковой, то здесь, как было показано выше, имеются свои специфические факторы, мешающие изучению феномена чтения. Среди них — малое количество специалистов, занятых теоретическими вопросами, недостаточное внимание представителей других специальностей к библиотечной отрасли (и к публикациям в библиотечной прессе), пассивность библиотечного сообщества (начиная с отсутствия ярко выраженного интереса к проблемам современной литературы и заканчивая скептическим отношением библиотекарей-практиков к проведению социологических опросов и кампаний в поддержку чтения), а также все более ощущимая нехватка работ, посвященных чтению и читательским сообществам в интернете.

Список источников

1. Аскарова В.Я. Культурная политика в сфере стимулирования читательской активности молодежи: приоритеты цифровой эпохи // Сфера культуры. 2022. № 2 (8). С. 113–128. DOI: 10.48164/2713-301X_2022_8_113.